

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики ее преподавания

**СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ И ЛИТЕРАТУРА: К ПРОБЛЕМЕ
МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ И ИХ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

д а т а

ПОДПИСЬ

Исполнитель:
Курбаковских Надежда Анатольевна,
обучающийся РЛ-51Z группы

ПОДПИСЬ

Руководитель:
Доценко Елена Георгиевна,
д-р филол. наук, профессор

ПОДПИСЬ

Екатеринбург 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>1. ПРОБЛЕМА АВТОБИОГРАФИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ</u>	8
<u>1.1 Проблема автобиографизма в литературе.</u>	8
<u>1.2 Исторический обзор литературного творчества Софьи Ковалевской.</u>	14
<u>2. СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ КАК ЛИТЕРАТОР И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ</u>	21
<u>2.1 Анализ произведений Ковалевской в аспекте автобиографического жанра</u>	21
<u>2.2 Актуальные проблемы идеологического характера в повести Ковалевской «Нигилистка»</u>	32
<u>2.3 Постмодернистские игры с жанром автобиографии в повести Элис Манро «Слишком много счастья»</u>	40
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	54
<u>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ</u>	57

ВВЕДЕНИЕ

Все мы знаем Софью Васильевну Ковалевскую, как величайшего ученого, первую в России женщину математика. Но мало кто догадывается о том, что помимо математики одним из главнейших её увлечений была литература. Поскольку Ковалевская была человеком талантливым и разносторонним, активно участвующим в общественной жизни, для нее было невозможным замкнуться лишь в кругу специальных научных занятий. Софья Васильевна говорила о том, что она постоянно тянулась к наблюдениям над жизнью, к рассказам. Иными словами, в жизни Ковалевской, как человека неординарного, особое место получила связь между литературой и математикой.

Ковалевскую сильно волновали события, свидетелем которых она являлась и в России, и Западной Европе. Она внимательно следила за развитием общественного движения в стране. Ей доставляло огромное удовольствие наблюдать за достижениями русского реалистического искусства и литературы, много времени и сил отдавала своим разнообразным творческим планам. Незадолго до смерти в одном из писем Ковалевская признавалась, что всю жизнь не могла решить, к чему у нее было больше склонности - к математике или к литературе.

Огромный вклад, внесенный замечательным ученым в русскую и мировую математическую науку, оставил в тени литературное наследие Ковалевской, но, несмотря на это, лучшие страницы ее мемуаров, повестей и других произведений свидетельствуют о незаурядном художественном даровании автора.

В соответствии с ФГОС программа литературного образования направлена на «формирование общей культуры, духовно-нравственное, гражданское, социальное, личностное и интеллектуальное развитие обучающихся, их саморазвитие и самосовершенствование, обеспечивающие социальную успешность, развитие творческих способностей».

В программе реализуется важнейшая цель литературного образования: воспитывать у учащихся любовь и привычку к чтению, приобщать учащихся к богатствам отечественной и мировой художественной литературы, развивать их способности воспринимать и оценивать явления художественной литературы и на этой основе формировать духовно-нравственные качества, эстетические вкусы современных читателей и потребность в творческом самовыражении.

Как правило, межпредметные связи на уроках литературы устанавливаются со смежными гуманитарными предметами, такими как: русский язык, изобразительное искусство, музыка и история. Мы видим, что математические дисциплины среди вышеперечисленных отсутствуют. Тем интереснее становится возможный выбор произведений великого русского математика - Софьи Ковалевской для проведения мероприятий, направленных на укрепление межпредметных связей в процессе обучения.

Современные школьники знают о Софье Ковалевской немного. Её портреты можно очень часто встретить в кабинетах математики, однако подробной информации о ней и об её открытиях в современных учебниках не встречается. Лишь в пособии Г. И. Глейзер «История математики в школе», предназначенного для факультативных занятий учеников 7-8 классов, есть статья, посвященная Софье Васильевне. В этой статье приводятся некоторые отрывки из автобиографического произведения Ковалевской, которые могут вызвать среди учащихся наибольший интерес: например о том, как во время ремонта, из-за нехватки обоев, одну из детских

комнат в доме маленькой Сони, оклеили листами с дифференциальными и интегральными исчислениями: «Листы эти, испещренные странными, непонятными формулами, скоро обратили на себя мое внимание... От долгого, ежедневного созерцания, внешний вид многих из формул так и врезался в моей памяти...».

Актуальность работы обусловлена тем, что литературное творчество Софьи Ковалевской освещено наукой довольно слабо. Большинство научных работ справедливо фокусируются на её математической деятельности. А в свете относительно недавней публикации повести «Слишком много счастья», где Ковалевская является главной героиней, автора Элис Манро, канадской писательницы, получившей Нобелевскую премию, интерес к жизни и литературной деятельности математика, в частности, возрастает. Кроме того, деятельность Ковалевской интересна с точки зрения межпредметных связей между литературой и математикой, поскольку данные связи оказывают существенное влияние на становление мировоззрения любой личности.

Особое место в системе школьных предметов занимает литература и ее взаимосвязи с другими школьными дисциплинами. Развитие когнитивных интересов учащихся на уроках литературы с опорой на межпредметные связи составляет актуальную задачу обучения.

Объектом нашей выпускной квалификационной работы является литературное творчество Софьи Васильевны Ковалевской, а также **повесть** Элис Манро «Слишком много счастья».

Предмет работы – произведения Софьи Ковалевской и о Софье Ковалевской в аспекте компаративистики и межпредметных связей.

Цель работы – охарактеризовать литературное творчество С. В. Ковалевской, **проанализировав её произведения и повесть Э.Манро.**

Задачи работы.

1. Изучить проблему автобиографизма в литературе и возможности «биографии» в литературе постмодернизма.

2. Опираясь на существующие исследования, предложить исторический обзор литературного творчества С. В. Ковалевской.

3. Проанализировать биографические мотивы в произведениях Ковалевской.

4. Выявить актуальные проблемы идеологического характера в повести Ковалевской «Нигилистка».

5. Рассмотреть повесть Элис Манро «Слишком много счастья» в аспекте постмодернистской игры с жанром биографии.

Методология. В соответствии с намеченной целью и задачами были определены следующие методы исследования:

- сравнительно-сопоставительный анализ литературы, посвященной проблеме автобиографизма и биографической литературы о Софье Ковалевской, а также её художественных произведений.
- герменевтический метод – как способ прочтения современной писательницей Элис Манро наследия Софьи Ковалевской.

Во время написания работы мы опирались на научные работы П. Я. Полубариновой-Кочиной, посвященные Ковалевской, а так же на статьи Г. Брандеса (под редакцией Полубариновой-Кочиной), в которых он говорит о литературной деятельности Софьи Васильевны. Кроме того, мы обращались

к работам, посвященным автобиографизму Е. М. Болдыревой, Ф. Лежёна, О. А. Большова, И. П. Карпова, а также к статьям М. Н. Липовецкого, посвященных постмодернизму.

Практическая значимость заключается в том, что нами был обобщен материал, посвященный литературному творчеству Софьи Васильевны Ковалевской. На примере её творчества мы показали роль межпредметных связей в развитии человеческой личности. В дальнейшем эта информация может послужить основой для подготовки элективного курса по литературе для старших классов в школе. Кроме того, на базе данной работы возможно проведение межпредметного факультатива литературы и математики.

Структура работы: данная работа состоит из введения, двух глав и заключения. Первая глава состоит из двух параграфов и посвящена теоретико-литературным проблемам автобиографизма и историческому обзору литературного творчества Софьи Ковалевской. Во второй главе мы рассматриваем Софью Ковалевскую как литератора, на примере ее произведений, и, как литературного героя, на примере повести Элис Манро «Слишком много счастья». Вторая глава состоит из трёх параграфов.

1. ПРОБЛЕМА АВТОБИОГРАФИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ

1.1 Проблема автобиографизма в литературе.

В современном литературоведении термин «автобиография» встречается довольно часто. Но на самом деле появился он относительно недавно, лишь во второй половине XIX века. Всё, что писалось до этого времени в подобном ключе, является, в некотором роде, предвестником автобиографического жанра.

В отечественной литературе такими предвестниками, безусловно, являются древнерусские памятники письменности, которые обычно назывались «Жизнь, описанная им самим». Можно ли называть такие произведения, как «Поучение Владимира Мономаха» или «Житие протопопа Аввакума» автобиографиями? Однозначного ответа на этот вопрос нет. С одной стороны, нельзя причислять эти произведения к жанру автобиографии, поскольку сам термин появился лишь в XIX веке, но, с другой стороны, лучшего определения, чем автобиография для данных текстов, в которых авторы рассказывают о собственной жизни, найти сложно.

Е. М. Болдырева в своей статье «Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта» отмечает, что «в европейской литературе, мы найдем такие понятия, близкие к автобиографии, как «Bildungsroman» и «Beichte», что в переводе означают

«роман воспитания» и «исповедь» (в ее широком смысле). Наиболее известным примером является «Исповедь Ж. Ж. Руссо».

Впервые же термин «автобиография» был использован Уильямом Вордсвортом в подзаголовке к его поэме «Прелюдия». Это произведение значилось как «Autobiographical Poem», что в переводе звучит как «автобиографическая поэма».

В 1844 году понятие «автобиография» было внесено в английский Королевский англо-немецкий словарь и означало оно «воспоминания о жизни человека, написанные им самим». После этого в 1856 году этот термин вошел также и во Французский академический словарь, как неологизм. «В настоящее время термин широко используется во Франции, Англии, Америке и России, однако в немецком литературоведении он «не прижился» и был заменён прежними формами *Lebensbeschreibung* и *Selbstbiographie*».

Одним из наиболее известных исследователей в области автобиографии является французский ученый, теоретик литературы Филипп Лежён. Он выделял этот жанр как один из основных типов «литературы воспоминаний». В своей работе «Когда кончается литература?» он даёт следующее определение автобиографии: «это ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности».

В монографии «Автобиографическое соглашение» Лежён говорит о том, что текст является автобиографией, если он соответствует четырём критериям:

- 1) Прозаическая форма произведения;

2) Тема произведения - жизнь конкретного реального человека, его личная история;

3) Биографический автор, (то есть реальная личность) идентичен рассказчику повествователю;

4) Позиция рассказчика либо тождественна позиции главного героя, либо повествование рассказчика является ретроспективным.

Отсюда мы можем сделать вывод, что главной особенностью автобиографических произведений является тип «соглашения», которое автор заключает с читателем. Этот тип подразумевает установку на достоверность; кроме того, необходимым критерием является «вера» в подлинность написанного с обеих сторон: и автора, и читателя.

На данный момент в литературоведении различают два понятия «автобиографизм» и «автобиография». Нередко они используются, как синонимы, но на самом деле это два совершенно разных понятия. Автобиографизм - явление присущее литературным произведениям постоянно, поскольку любой писатель в своём творчестве опирается на личный жизненный опыт. Но, несмотря на это, не всякое произведение является автобиографическим. Мы не всегда можем наблюдать наличие автобиографизма в произведении, иногда он подается скрыто, так, что даже сам писатель не признает, что его текст автобиографичен.

Большое внимание вопросу разграничения автобиографии и автобиографизма уделил в своей статье «Автобиография/ автобиографизм» М. Медарич. Он пишет о том, что «Автобиографизм - стилистически маркированный литературный приём, представляющий собой это жанра автобиографии; он проявляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались, как автобиография».

Обратимся также к работе О. А. Большева, который использует такое понятие, как «исповеднический автобиографизм». Именно он, по мнению Большева, «бросает свет на подводную часть айсберга личности автора». Сюда он относит такие произведения, в которых «количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка (нередко бессознательная) на исповедь становится доминирующей и возникает эффект прикосновения с болевыми точками». Большов отмечает, что автобиографическое начало тем или иным образом присутствует во всех произведениях. «Исповедальными произведениями» он называет такие «в которых количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка (нередко бессознательная) на исповедь становится доминирующей... возникает эффект прикосновения к болевым точкам...».

Существует и иное определение автобиографизма, которое дал П. И. Карпов в своей работе «Авторология русской литературы»: «Автобиографизм - это трансформация автором жизненного материала в направлении своей экзистенциальной сферы, своего эмоционального комплекса и видения человека. В литературно-художественном произведении такое понимание автобиографизма реализуется указанием субъекта речи на автобиографическую основу повествования».

Авторское начало непременно присутствует во всех произведениях художественной прозы, и в каждом литературном герое присутствует частичка автора. Л. С. Янковская в своей статье «Автобиографизм или автопсихологизм? К вопросу авторского присутствия в художественном повествовании» говорит о том, что «до сих пор рассуждая о «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова исследователи спорят о мере и формах автобиографизма в художественном тексте».

Каким же образом соотносятся и противопоставляются между собой художественная автобиография и автобиографизм? На основании всех вышеперечисленных высказываний мы можем сделать вывод о том, что хотя в автобиографическом произведении и сохраняется хронология жизненных событий, но фактически автобиографический герой и автор - это не одно и то же. В художественно-автобиографическом жанре всегда есть место вымысла, и именно вымысел делает произведение художественным, а не документальным.

Присутствие автобиографизма в произведении говорит нам о том, что автор опирается на реальные факты своей жизни, о том, что вымышленный сюжет является достоверным, а персонажи могут быть прототипами реальных людей. Если сравнивать, чем автобиографический персонаж отличается от автора, то можно говорить о том, что авторская судьба является лишь «слепком» биографии литературного героя, в которой сочетаются также эстетические и идеологические особенности эпохи, её запросы и установки. Из этого следует, что автобиографический персонаж - это фигура более целостная и завершенная, в отличие от автора, жизнь которого незавершена и полна событий. Идеологические и эстетические взгляды на жизнь, которых придерживается автобиографический герой, оказываются более структурированными и устойчивыми, нежели система взглядов и мировоззрений самого автора. М. Бахтин в своей работе «Эстетика словесного творчества» говорит о том, что «в процессе художественной объективизации автобиографический персонаж позволяет автору стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого».

В художественном тексте автобиографизм может выражаться по-разному. И. П. Карпов предложил следующую классификацию:

1) Наиболее ярким примером является сюжетно-событийная параллель между жизнью автора и героя его произведения. Ярким примером здесь может послужить трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», а так же трилогия М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты»;

2) Кроме того, часто встречается связь душевных и личностных качеств писателя и героев. Так в образе главного героя повести «Поединок», мы наблюдаем те черты характера, что были присущи автору этого произведения, И. А. Куприну. Русская поэтесса Мирра Лохвицкая так писала о нём: «Это сочетание скрытой душевной нежности с безудержным разгулом и порою даже жестокостью». Все эти качества мы без труда можем найти и в главном действующем лице «Поединка» - Ромашове;

3) Стоит отметить также и наличия центральных мотивов и ситуаций, повторяющихся в произведении, которые имеют прямую или косвенную связь с жизнью автора. Здесь мы можем вспомнить тему несчастной любви, которая является центральной в повести И. С. Тургенева «Первая любовь». Прототипом главного героя здесь является сам автор, а прототипом Зинаиды - писательница Екатерина Шаховская, которая была соседкой пятнадцатилетнего Тургенева, и в которую он был влюблён. Именно эта история положила начало развития темы несчастной любви, которую мы встречаем в и повестях «Ася» и «Вешние воды».

Кроме того, можно выделить две основные функции, которые автобиографизм выполняет по отношению к автору. Во-первых, это функция осмысления и осознания собственной жизни, во-вторых - функция подтверждения достоверности тех событий, что показаны в произведении.

Автобиографизм может проявляться как в художественных, так и в документальных жанрах (дневниках, письмах, исповедях), и проявление это

различно. В художественной прозе присутствие автобиографизма говорит о том, что автор опирается на реальные факты своей жизни; о том, что вымышленные персонажи на самом деле могут иметь прототипы реальных людей, которых автор встречал в своей жизни. В документальных же жанрах автобиографизм способствует осмыслению и осознанию автором его собственной жизни и извлечению из этого жизненного опыта.

Подводя итог данной главы, мы можем сказать, что автобиографическое произведение - это произведение, основанное на достоверных жизненных фактах писателя, которые становятся художественными образами и сюжетами. Мы можем определять степень художественности и документальности автобиографического текста в зависимости от различия между реальным авторским обликом и авторским «я», которое представлено в произведении. Таким образом, с точки зрения литературоведения, автобиографический текст основывается на соотношении равенства между объектом и субъектом изображения. Если это равенство нарушается, то произведение становится не автобиографичным, а художественным.

Следует также разграничивать автобиографизм, который присущ многим произведениям, не являющимся на самом деле автобиографиями. Автобиографизм может присутствовать в любом литературном жанре. В автобиографии он выражен особенно ярко, поскольку там автобиографизм способствует раскрытию специфики авторской личности. Таким образом, данное исследование поможет нам понять, как автобиографизм проявляется в произведениях Софьи Ковалевской и как жанр автобиографии используется в контексте постмодернистской игры в новелле Элис Манро «Слишком много счастья».

1.2 Исторический обзор литературного творчества Софьи Ковалевской.

Жизни и математическим открытиям Софьи Ковалевской посвящено множество трудов, но о её литературной деятельности сказано очень мало. Это связано с тем, что на фоне успехов Ковалевской в области математики, вся остальные её творения кажутся не такими значимыми. В своём обзоре литературного творчества Софьи Васильевны мы будем опираться на работу П. Я. Полубариновой-Кочиной «Софья Васильевна Ковалевская» а также на книгу Л. Воронцовой «Софья Ковалевская».

Первая русская женщина-математик родилась в Москве 15 января 1850 года в обеспеченной дворянской семье. Её детство прошло в родовом поместье отца, генерал-лейтенанта Василия Владимировича Корвин-Круковского.

На рубеже 60-х годов Россию накрыло широкой волной освободительного движения. Софья Ковалевская и ее сестра и близкий друг, Анна Васильевна Корвин-Круковская, впоследствии писательница, участница Парижской коммуны и жена французского революционера, были среди тех представителей молодой дворянской интеллигенции, мировоззрение которых формировалось под сильным воздействием освободительных идей 60-х годов. В своем далеком имении они жадно впитывали в себя всю ту информацию о революционном брожении в столице, которая до них доходила. Молодым девушкам интересно было знать обо всех идейных исканиях молодежи и успехах материалистической науки.

Для того, чтобы уйти из-под опеки родителей и серьезно заняться наукой, в 1868 году Софья Васильевна заключила фиктивный брак с

Владимиром Ковалевским, активным участником освободительного движения 60-х годов, позднее известным ученым в области палеонтологии. Выйдя за него замуж, Ковалевская уехала в Петербург, где она окончательно осознала свое призвание ученого. Ковалевская начала посещать Медико-хирургическую академию, где свои лекции проводил И.М.Сеченова. Весной 1869 года, она уехала за границу. В Гейдельберге и Берлине Софья Васильевна начала усиленно заниматься математикой. Блестящие способности русской студентки вскоре обратили на себя внимание ученых, в том числе известного профессора математики Берлинского университета Карла Вейерштрасса. С этого момента и начался славный путь Ковалевской в математической науке, который в 80-х годах привел ее к мировому признанию.

Первые же печатные выступления будущего автора «Воспоминаний детства» и «Нигилистки» относятся к середине 70-х годов. Получив в Геттингенском университете за свои математические работы ученую степень доктора философии, Ковалевская возвратилась в Россию и некоторый период сотрудничала с петербургской газетой «Новое время». Она писала научно-популярные статьи и театральные рецензии. Молодая женщина-ученый быстро вошла как в научные, так и литературные круги столицы; среди ее знакомых были Достоевский и Тургенев, знаменитый математик Чебышев и Менделеев, и многие другие ученые и писатели.

Ковалевская очень любила поэзию. Она с большим удовольствием читала отрывки всех русских поэтов, а свои первые стихи Ковалевская написала в пять лет. В двенадцать лет она была глубоко убеждена, что станет поэтессой; однако ранние стихотворные опыты Ковалевской до наших дней не сохранились. Несмотря на то, что математика была основным направлением деятельности Софьи Васильевны, интерес к поэтическому творчеству она сохранила до конца жизни. Некоторые ее стихотворения,

такие как «Пришлось ли раз вам безучастно...», «Если ты в жизни хотя на мгновенье...», напечатали уже после смерти Ковалевской, в 90-х годах в журналах «Вестник Европы» и «Женское дело».

После смерти супруга и переезда в Стокгольм, где Ковалевская была избрана профессором университета, она все чаще обращается к литературным занятиям. Один за другим у нее возникают замыслы больших романов, серьезных философских работ. Софья Васильевна пишет ряд очерков литературно-критического и мемуарного характера. Вместе со шведской писательницей Анной-Шарлоттой Леффлер, Ковалевская создает драму «Борьба за счастье». На этом произведении хотелось бы остановиться поподробнее.

Мысль о создании этого произведения пришла к Ковалевской во время тяжелой болезни её сестры, когда Софья Васильевна ухаживала за «любимой Анютой». Она много рассуждала о жизни и смерти, о том, «как было» и о том, «как могло быть». «О, как глупа жизнь! - мрачно твердила Ковалевская. - Как не логична смерть! Разве я могу потерять Анюту, такую близкую, такую умную?! Зачем же она жила и столько страдала, если смерть смеет унести эту большую жизнь в одно мгновение?». После всех этих рассуждений Ковалевской пришла мысль о создании двух романов, действие в которых развивалось бы параллельно, а судьба героев этих романов изображалась со времён их юности, когда вся жизнь ещё впереди. Один роман повествовал бы о том, что стало с героями, когда они сделали жизненно важный выбор, другой - о том, что было бы, если бы они пошли другим путём. С этой идеей Ковалевская обратилась к своей подруге, шведской писательнице Анне-Шарлотте Леффлер, которая одобрила идею Ковалевской, и они вместе стали работать, только уже не над романами, а над двумя пьесами, действие которых должно было идти на сцене два вечера подряд. Своё детище они назвали «Борьба за счастье». В прологе, который является общим для обеих пьес, главные герои предстают перед нами в тот

момент, когда кажется, что всё в жизни готово для их счастья. Алиса, дочь барона, любит инженера Карла и их любовь взаимна. Карл изобрёл машину, благодаря которой фабричные станки смогут работать с помощью электроэнергии, соответственно, труд рабочих намного облегчится. Алиса поддерживает своего возлюбленного в его желании. Но в мир влюбленных, который полон радости и мечтаний, вторгаются: жадность, корысть и жестокость. Умирает отец Карла, и теперь Карл должен самостоятельно содержать свою семью, а родные Алисы настаивают на её браке с двоюродным братом Яльмаром, для того, чтобы сохранить за собой родовое имение. Именно тогда и наступает тот критический момент, когда от поступка героя, от его силы воли зависит и его судьба.

В первой пьесе герои не нашли в себе силы, чтобы противостоять обстоятельствам, которые обрушились на них и, как следствие, они остались глубоко несчастны. Вторая пьеса показывает, как могло бы быть, если бы у героев хватило силы воли повернуть свою судьбу на дорогу, ведущую к счастью: Алиса порывает с Яльмаром и уходит к Карлу, а все свои средства она направляет на развитие фабрики. Именно на фабрике, вместе с Карлом, вместе с людьми труда, в борьбе за счастье рабочих, она находит и свое счастье.

Размышляя над основной идеей драмы, Ковалевская говорила: «Кому не приходилось в жизни раскаиваться в важном, необдуманном шаге и кто не раз желал начать жизнь сызнова?». Все явления, происходящие в жизни, Ковалевская стремилась объяснить с научной точки зрения, сравнивая их с гипотезой Пуанкаре о кривых, которые определяются дифференциальными уравнениями: при пересечении кривых образуются критические точки и в дальнейшем нужны какие-либо дополнительные условия для того, чтобы определить дальнейшие пути этих кривых. Так же и в жизни: поступки людей заранее предопределены, но бывают такие моменты, когда нам

предоставляются возможность выбора дальнейшего жизненного пути и от этого зависит наша жизнь.

Многие из произведений Ковалевской не были опубликованы при жизни автора, другие вовсе не сохранились до наших дней. К примеру, в одном из писем она упоминает о философском труде «На рубеже знания», но текст его, видимо, был затерян.

Увлекаясь каким-либо новым замыслом, Ковалевская часто переставала заниматься другими, ранее интересовавшими ее произведениями. В ее бумагах сохранилось немало набросков и отрывков, свидетельствующих о разнообразных, но вскоре оставленных и забытых начинаниях писательницы; некоторые из них впоследствии вошли в посмертный сборник ее литературных сочинений (1893). Осталась незаконченной работа над повестью «*Vae victis*» («Горе побежденным») и задуманным Ковалевской автобиографическим романом. Ею была написана повесть из университетской жизни маленького немецкого городка «Приват-доцент»; в мемуарной литературе встречаются указания, что повесть в 1877 году была напечатана на немецком языке в одном из зарубежных изданий.

Литературное творчество Софьи Васильевны отличалось ее любовью к мемуарному жанру. Еще при ее жизни в русских журналах были напечатаны воспоминания Ковалевской об английской писательнице Джордж Эллиот («Русская мысль», 1886 г.) и очерк «Три дня в крестьянском университете в Швеции» («Северный вестник», 1890 г.). Софья Васильевна собиралась также записать и то, что сохранилось в ее памяти о пребывании в революционном Париже.

Поистине же известность Ковалевской, как литератора, принесли ей знаменитые «Воспоминания детства», в 1890 году опубликованные в «Вестнике Европы». Критики отмечали в этом произведении тесную связь с классическими традициями русской автобиографической прозы.

Действие происходит сначала в имении ее родителей в Палибино, в Витебской губернии, вблизи польской границы, затем в Петербурге. «Воспоминания» знакомят нас с жизнью консервативной русской дворянской семьи в ее имении в том виде, в каком она протекала за несколько поколений до нашего времени (1889 г.). Произведение восхищало и русскую публику, и русских литературных деятелей. Историк М. И. Семевский, хорошо знавший семью Корвин-Круковских во время их жизни в Палибино, отметил, что описание этой жизни Ковалевской верное и правдивое.

Своеобразным продолжением «Воспоминаний детства» явилась повесть Ковалевской «Нигилистка». Она была опубликована в 1892 году в Женеве. В Швеции в 1893 году вышел другой вариант этого произведения в сборнике под названием «Вера Воронцова». В царской России повесть «Нигилистка» была запрещена. Она была напечатана в нашей стране уже в советское время, в 1928 году. В этом произведении излагается история молодой девушки, стремления которой принести пользу народу участием в деятельности революционных кружков привели к тому, что она вышла замуж за совершенно незнакомого человека, осужденного революционера, чтобы облегчить его тяжелую участь. Ковалевская подчеркивает идейную сторону поступка девушки. Как говорит в своей работе о Софье Ковалевской П. Я. Кочина: «Вера находила социализм единственным средством к решению всех вопросов».

Как мы видим из всего сказанного выше, жизнь и творчество Ковалевской было тесно связано с революционным и нигилистическим движением в России. Софья Васильевна стремилась понять смысл происходивших событий, «сблизиться с нигилистами, прославить их мужество. По мнению правящих кругов, она сама, в конечном счете, была нигилистка. Ковалевская сознавала, что самый характер революционной

пропаганды в середине 70-х годов совершенно изменился, на очередь выступили «социалистические задачи». Революционная интеллигенция постепенно проникалась тем убеждением, что, пока простой народ останется в невежестве и бедности, трудно ждать каких бы то ни было существенных результатов» .

В следующей главе мы рассмотрим само понятие нигилизма в России в конце XIX века. Особое внимание обратим на тип женщины-нигилистки, о которой в свою очередь и написала повесть Софья Ковалевская.

2. СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ КАК ЛИТЕРАТОР И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ

2.1 Анализ произведений Ковалевской в аспекте автобиографического жанра

Автобиографическое произведение «Воспоминания детства» было написано Ковалевской в 1888 году, а впервые опубликовано в Швеции в 1889 году и называлось «Из русской жизни. Сёстры Раевские», где Ковалевская ведёт рассказ от третьего лица. К тому же в произведении изменены настоящие имена героев.

В 1891 году «Воспоминания детства» были напечатаны в России в журнале «Вестник Европы». По сравнению с произведением, изданным в Швеции, здесь Ковалевская повествует от своего лица; она рассказывает о своём детстве, об истории своей семьи, о становлении себя, как личности.

После публикации, произведение Ковалевской получило множество положительных отзывов. Критики ставили его в один ряд с «Детством», «Юностью» и «Отрочеством» Л. Н. Толстого. Датский критик Георг Брандес писал: «Теперь же, в только что изданной книге, заголовок которой мы выписали выше, читатели могут познакомиться с этой интересной женщиной, как с живыми чувствующим существом. Форма романа служит, очевидно, только прикрытием. Таня Раевская не кто иной, как сама Соня Ковалевская, и книга, лежащая перед нами, превосходно написанный

отрывок автобиографии, заключающий в себе описание детских лет Ковалевской, проведенных ею в России».

Данное произведение интересно не только тем, что его написала великая женщина-учёный, но и тем, что с помощью него Ковалевская попыталась понять, что поспособствовало её становлению и каким образом это произошло.

За всю свою жизнь Ковалевская добилась огромных высот: первая женщина профессор в Стокгольмском университете, великий математик, совершившая важнейшие открытия в этой области, хороший литератор, получившая признание от многих критиков. Но была ли жизнь Софьи Васильевны счастливой? В частности, этот вопрос касается личной жизни. Её брак с Владимиром Ковалевским закончился трагически. После этого в жизни Софьи Васильевны появился Максим Ковалевский, её однофамилец, но и с ним она не смогла построить семью. Проанализировав воспоминания её детства и юности, мы понимаем, что такая гениальна женщина, как Ковалевская была обречена на столь печальную судьбу. Она намного обогнала своих современников не только в математических открытиях, но и в своём нравственном развитии, взглядах на воспитание, на взаимоотношения между мужчинами и женщинами, на семейную жизнь. Возможно, создавая биографическое произведение «Воспоминания детства», она попыталась понять, почему её судьба сложилась именно так и какие факторы повлияли на формирование её личности.

При анализе «Воспоминаний детства» Ковалевской, мы будем обращаться к воспоминаниям её подруги Анны-Шарлотты Леффлер и к воспоминаниям её дочери. Это позволит нам увидеть, как начиналось формироваться неординарная личность этой великой женщины, а также нам будут даны её характеристики со стороны близких ей людей.

Повествование произведения начинается с самых первых сознательных воспоминаний героини: походы с няней в церковь, беззаботная жизнь в родовом поместье вместе с сестрой и братом, здесь же возникают и первые воспоминания о родителях. Няня, которая больше всех окружала Ковалевскую своей заботой и любовью, очень часто говорила, что Соня нежеланный ребенок, поскольку в семье ожидали мальчика, а родилась она: «Они всё и приготовили как следует мальчику: и крестик с распятием, и чепчик с голубенькой ленточкой, - ан, нет, вот поди! - родилась опять девочка! Барыня так огорчилась, что и глядеть на неё не хотели, только уж Феденька их потом утешил». Маленькой Соне очень хотелось родительского внимания и тепла, но слова няни о том, что других детей любят больше, часто останавливали её: «... у меня стала развиваться какая-то дикость по отношению к маме, и дикость эта ещё увеличивалась тем, что мне часто случалось слышать от няни, будто Аня и Федя - мамины любимчики, я же - нелюбимая». Вообще, в произведении образ матери Ковалевской встречается довольно редко, поскольку она не принимала как такого участия в воспитании своих детей, не проявляла должной родительской любви и заботы. В детскую она заходила лишь изредка перед отъездом в гости или на бал.

Поэтому вместо образа матери перед нами предстаёт ряд других женских фигур, которые являлись значимыми для Ковалевской, и в какой-то мере заменившие ей мать: это и няня, и гувернантка мисс Смит, и портниха Марья Васильевна. Жизнь этих женщин во многом схожа - все они по-своему несчастливы и одиноки. Няня всю свою жизнь посвятила детям семьи Корвин-Круковских, в этом она видела смысл своей жизни, естественно, что своей семьи у неё не было и быть не могло. Дети так же очень привязаны были к портнихе Марье Васильевне. Часто они приходили к ней в спальню, а она пела для них старинные романсы. Своих детей у неё,

поэтому всю свою нереализованную материнскую любовь она дарила барским детям, особенно маленькой Соне.

Своей гувернантке, Мисс Смит, Ковалевская посвятила отдельную главу воспоминаний. Мы видим одинокую, уже немолодую женщину, которая хоть и отстала от английского общества, но так до конца и не освоилась в России. Для Мисс Смит Софья являлась «центром сосредоточения всех её мыслей и забот и предавала значение её жизни; но любовь её была тяжелая, ревнивая, взыскательная и без всякой нежности». Все эти женщины, окружавшие маленькую Соню, были разного статуса и разного возраста, но одно объединило их - они стали для Ковалевской примером несчастной женской судьбы.

Очень важную роль в жизни Ковалевской сыграла её старшая сестра Анна, которую на страницах воспоминаний чаще всего называют «Анюта». В этом ласковом названии чувствуется та любовь, привязанность и восхищение, с которым Ковалевская относилась к своей сестре: «Я восхищалась ею непомерно, подчиняясь ей во всём беспрекословно и чувствовала себя очень польщенной всякий раз, когда она позволяла мне принять участие в чём-нибудь, что занимало её самое. Для сестры моей я пошла бы в огонь и в воду...». От своей старшей сестры, которая никогда не была обделена вниманием и была первой красавицей на балах, Софью отличала неловкость, пугливость, некоторая угловатость в движениях. Всё раннее детство она была в тени сестры и брата, но вскоре, благодаря своим умственным способностям, она обратила на себя внимание семьи и своих учителей. Довольно часто Софье доводилось присутствовать на занятиях своей сестры. Вспоминая эти моменты, она пишет о том, что нередко Анюта «большая 14-летняя девочка» затруднялась дать ответ на тот или иной вопрос, а «семилетняя крошка запомнила его и подсказывала ей с торжеством». Становление её личности, сильной, умной и успешной,

происходило во многом благодаря оценке и признания Софьи со стороны родных мужчин: отца, дяди Федора Федоровича и Петра Васильевича, которые уже в детстве отмечали её целеустремленность, нестандартное мышление и любознательность.

Примечательно, что в своих воспоминаниях Ковалевская редко говорит о себе и своей личности прямо. Мы представляем себе её образ через слова няни о ней, или через взаимоотношения Софьи с другими членами семьи. Она вспоминает себя двух или трехлетней девочкой, которая едва умеет говорить, затем, пугливой пятилетней малышкой, которая очень тоскует по своей матери. Нравственное развитие маленькой Сони, Ковалевская показывает с помощью ярких событий, которые происходили в семье, и которые произвели на героиню особое впечатление. Одним из таких событий стала история о пропаже вещей в доме Корвин-Круковских, описанная в главе «Воровка». Эта история интересна с точки зрения психологического подтекста, поскольку вспоминая её, Ковалевская размышляет о наказании и прощении, о страсти, гордости и чувстве стыда.

Также Ковалевская редко упоминает о своих родителях на страницах автобиографической повести. Поскольку маленькая Соня не чувствовала любви со стороны матери, она очень тянулась к отцу, старалась обратить на себя его внимание своими успехами в учебе, своей тягой к знанию. Но отец всегда держал дистанцию со своими детьми. Ковалевская говорит о том, что он был «очень скуп на ласки». И только в моменты болезни своих детей он становился другим, и появлялась в нем «необычайная нежность и мягкость». В своих воспоминаниях Софья изображает отца, как человека закрытого, имевшего свой «маленький мир», в который «никто из домашних не допускался». В воспитании своих детей Василий Васильевич не вдавался в психологию своих детей, не пытался понять особенности их характера, а действовал достаточно шаблонно, согласно царившим в те времена устоям.

Мы наблюдаем это в эпизоде, когда отец наказывает Софью: ставит её в угол, как маленького ребенка, а потом и вовсе забывает о ней. «Его понятия о воспитании весьма элементарны, и вся педагогика подводится им под рубрику женского, а не мужского дела. Он, разумеется, и не подозревает, какой сложный внутренний мир успел уже сложиться в голове той маленькой девочки, которая стоит теперь перед ним и ждет своего приговора». Этот момент особенно врезался в память маленькой девочки, и даже спустя много-много лет, будучи великим ученым она с горечью пишет: «И вот, можете себе представить, мне, большой двенадцатилетней девице, мне, которая за несколько минут перед тем переживала с героиней прочитанного украдкой романа самые сложные психологические драмы, мне приходится пойти и стать в угол, как малому, неразумному ребенку». Её до глубины души ранит даже не то унижительное наказание, за которым с усмешкой наблюдает прислуга, а то, что отец, погрузившись в свои дела вовсе забывает о ней. Вспоминая всё это, Ковалевская пишет о том, что её отцу «И в голову не приходит, какую нравственную пытку перенесла его бедная маленькая девочка за эти полчаса. Он бы, вероятно, сам испугался, если бы мог заглянуть мне в душу. Через несколько минут он, разумеется, совсем забудет об этом неприятном ребяческом эпизоде. А я между тем ухожу из его кабинета с чувством такой недетской тоски, такой незаслуженной обиды, как мне, может быть, раза 2-3 приходилось испытывать впоследствии, в самые тяжелые минуты своей жизни».

И лишь спустя многие годы, когда Ковалевская уже вышла замуж, получила докторскую степень и стала известна, возвратившись в родительский дом, отношение Василия Васильевича к своей дочери меняется. Он становится намного мягче и терпимее, а всё успехи Софьи вызывают в нем гордость и уважение.

Таким образом, по «Воспоминаниям» создается образ девочки, не получившей родительской любви и заботы. Можно предположить, что это повлияло на её дальнейшую жизнь. Единственная дочь, Софья, которую она ласково называла Фуфой, также страдает из-за отсутствия материнского и отцовского внимания: она очень рано осталась без отца, а мать находилась с ней рядом только тогда, когда она была в раннем возрасте. В своих письмах к родным и друзьям Ковалевская всегда приводила убедительные оправдания тому, что она не может быть рядом с дочерью: это, в первую очередь, необходимость построить научную карьеру, а также нестабильное финансовое положение, недостаток времени и др. До семи лет маленькая Фуфа воспитывалась вдали от матери, в семье своего дяди. А вместе с матерью она провела всего лишь пять лет, прожив с нею до своего двенадцатилетия.

Позднее, после смерти Ковалевской, её дочь выпустила небольшие по объему «Воспоминания о матери», где она пишет о том, что до семи лет «видела её большей частью только урывками, когда она приезжала провести один месяц, или еще меньше, из своих летних каникул у своей приятельницы Юлии Всеволодовны Лермонтовой». Многие знакомые люди осуждали Ковалевскую за то, что она оставила своего ребенка на воспитание других людей, и даже, несмотря на это, она забрала свою дочь только после того, «как создала себе удовлетворительно свою домашнюю жизнь». Ковалевская считала, что не может забрать своего ребенка до тех пор, пока у неё не будет хороших жизненных условий.

После того, как мать забрала Софью (младшую) к себе, она очень много с ней занималась. Дочь Ковалевской пишет: «Мать читала мне вслух русские книги, привезенные из России, ходила со мной на уроки гимнастики и на прогулки, учила шведскому языку. Но вскоре в университете, где преподавала Ковалевская, начался новый учебный семестр, и времени на

своего ребенка стало не хватать. Поэтому Фуфа очень часто оставалась дома одна или гостила у профессора Гюльдена, близкого друга Ковалевской. В кругу семьи Гюльдена девочка «стала жить вполне как член семьи во время частых каникулярных отлучек матери». Также Фуфа была частой гостьей в доме близких подруг её матери Анны-Шарлотты Леффлер и Эллен Кей.

Хотя Софья младшая открыто не говорит об этом, но фактически, из пяти лет, проведенных в Швеции, вместе с матерью они провели очень мало времени. Ковалевская большую часть своего времени посвящала работе в университете, а отдыхала она в кругу своих коллег-единомышленников. Даже новогодние праздники мать с дочерью проводили порознь: «На летние и рождественские каникулы моя мать всегда уезжала во Францию или Германию, я же оставалась в Швеции или у Лермонтовой».

Единственное лето, которое они провели вместе, было в 1889 году, и оно осталось одним из самых светлых воспоминаний Фуфы о времени, проведенном со своей матерью. В тот год Ковалевская получила премию Бордена и вместе со своими друзьями русскими эмигрантами они сняли дачу вблизи Парижа в городе Севре. Там Софья младшая вместе с другими детьми, которые вдали от родины позабыли русский язык, читали много детских книг, восстанавливали русскую речь, гуляли, играли и много шалили.

Очень сильное впечатление произвели на Ковалевскую младшую «Воспоминания детства». Вообще, Фуфа всегда говорила, что литературное творчество её матери значило для неё гораздо больше, нежели её математические успехи. Она писала, о том, что «Воспоминания детства» очень сблизили её с матерью: «Я стала думать о ней, как о много пережившем человеке, а не только как о моей матери, требовавшей от меня исполнения известных обязанностей». Прочитав воспоминания своей матери, дочь Ковалевской узнала, обо всех её детских страхах и обидах, о

той жажде родительского внимания, которое она так и не получила, обо всём том, что ей пришлось пережить.

Еще одним из близких людей Софьи Ковалевской, которая написала книгу, посвященную ей, была её подруга, писательница Анна-Шарлотта Леффлер. В своих воспоминаниях она размышляет об особенностях характера Софьи Васильевны, а так же цитирует отрывки из писем современников и друзей Ковалевской А.-Ш. Леффлер считала, что у её подруги был очень сложный характер, поэтому она не могла почувствовать себя полностью счастливой. К себе и своим близким людям она была чрезвычайно требовательна: «слишком беспокойного нрава, слишком дисгармонична по своей натуре, чтобы на долгое время найти удовлетворение в тихой жизни, полной любви и нежности, о которой она, по-видимому, так страстно мечтала».

Будучи близкими подругами, Ковалевская и А.-Ш. Леффлер на многие вещи в жизни смотрели по-разному. В своих воспоминаниях Анна-Шарлотта подмечает непрактичность и даже некую несамостоятельность Ковалевской каких-то вопросах: «Она не могла сама себе купить платья, не могла сама смотреть за своими вещами, не могла сама найти дороги в городе - проживши столько лет в Стокгольме, она умела находить только те улицы, которые вели в высшую школу и к её ближайшим друзьям, - не могла сама заботиться ни о своих делах, ни о своём домашнем хозяйстве, ни о своей дочери, почему должна была постоянно оставлять её на чужих руках, - одним словом, она была до такой степени непрактична, что все мелкие заботы жизни казались ей невыносимыми». Анна-Шарлотта никак не могла понять этой беспомощности своей подруги. В некоторых моментах чувствуются даже нотки раздражения, например, когда она вспоминает о том, что Ковалевской всегда нужен был человек, который бы представлял её интересы в издательствах, добывал необходимые рекомендации, встречал и

проводил на железнодорожные станции, иными словами - заботился бы о ней. Но, в то же время, Леффлер говорит о том, что характер Ковалевской был настолько противоречив, что она с большим трудом могла выносить «зависимые к другому человеку отношения».

Эти воспоминания шведской писательницы, безусловно, достаточно субъективны. Жизнь самой Анны-Шарлотты Леффлер протекала достаточно безмятежно и размеренно. Возможно поэтому, ей было довольно сложно понять противоречивый характер Ковалевской, которая с самого детства была обделена заботой и любовью, и поэтому искала эти чувства среди своих близких и друзей.

По свидетельству Леффлер, Ковалевская всю свою силу и энергию отдавала занятиям математикой, поэтому, завершая какую-либо научную работу, она была настолько эмоционально опустошена, что даже не чувствовала эмоционального подъема, когда цель её работы была достигнута. Другое чувство вызывала у Ковалевской литературная деятельность: «Не то было с её литературными работами: они доставляли ей всегда величайшую радость и приводили в самое светлое настроение».

Анна-Шарлотта также отмечает, что для Софьи Васильевны очень важным было присутствие в её жизни единомышленников, людей, увлеченных наукой так же, как и она. По словам подруги, Ковалевская всегда мечтала, чтобы её любимый человек смог разделить с ней её стремления: «Совместная работа при любовном союзе между мужчиной и женщиной сделалась для неё идеалом жизни, и она только мечтала о том, как бы встретить человека, который мог бы сделаться её вторым «я» в этом именно смысле». Что же касается представлений Софьи Ковалевской о любви, Анна-Шарлотта отмечает: «Её любовь отличалась тираническим характером:

она не допускала, чтобы любимое ею существо имело какие-либо чувства, мысли, желания, направленные не на неё».

Вспоминая об отношениях между Ковалевской и её друзьями, жившими в Швеции, Леффлер отмечает некоторое непонимание со стороны последних, поскольку многие из них считали, что больше всего на свете Софья стремилась к удовлетворению своего честолюбия. Но лишь немногие, самые близкие друзья понимали, что все её успехи в науке и общественной деятельности волновали Ковалевскую не так сильно. Одним из таких друзей был норвежский писатель Ионас Ли. Он воспринимал Ковалевскую не как великого ученого математика, а как маленькую девочку Таню Раевскую (героиню «Воспоминаний детства» первой редакции, которые вышли в Швеции). Леффлер вспоминает, о том, что «Ему было от души жаль этого бедного, жаждавшегося любви и нежности ребенка, которого никто не понимал... Жизнь наделила бедного ребенка всеми возможными дарами, осыпала его почестями и отличиями, отметила успехами все его шаги на разных поприщах деятельности, а между тем, маленькая девочка по-прежнему представляется ему стоящей с протянутыми вперед пустыми руками и с умоляющим взглядом больших, широко раскрытых глаз».

Таким образом, проанализировав «Воспоминания детства» Ковалевской и воспоминания о ней её дочери и близкой подруги, мы можем сделать вывод о том, что автобиографический образ маленькой Софьи отображает осмысление всей биографии великого русского математика. Детство главной героини «Воспоминаний» представляет собой процесс формирования и становления духовной, «внутренней» биографии Ковалевской. Отголоски недостатка родительской любви пронизывают всю её жизнь и, даже повзрослев, Ковалевская зачастую нуждается в защите, страстно желает, чтобы её любили и оберегали.

Рассматривая данное произведение с точки зрения автобиографизма, мы можем сказать, что автор здесь практически тождественен главной героине, поскольку наблюдается абсолютная сюжетно-событийная параллель между жизнью Софьи Ковалевской и жизнью героини. «Воспоминания детства» позволяют нам заглянуть во внутренний мир Ковалевской и увидеть истоки становления её характера, а это говорит о том, что автобиографизм выполняет в здесь свои основные функции: осмысление и осознание собственной жизни автора и подтверждение достоверности тех событий, о которых говорится в произведении.

Софья Ковалевская прожила очень недолгую жизнь, но, несмотря на это, жизнь её была полна ярких событий. Литературное наследие великого русского математика невелико, и многое осталось лишь в набросках и черновиках, но даже они помогают нам приоткрыть завесу тайны её внутреннего мира, который до сих пор интересует наших современников. В частности, канадская писательница Элис Манро посвятила жизнеописанию Ковалевской свою повесть «Слишком много счастья», о которой пойдет речь в третьем параграфе данной главы.

2.2 Актуальные проблемы идеологического характера в повести Ковалевской «Нигилистка»

Свою повесть «Нигилистка» Софья Васильевна Ковалевская написала в 1884 году в Швеции, однако опубликовано произведение было лишь в 1892 году, после смерти писательницы, сначала на шведском, а затем на русском языке. В России же издание этого произведения было запрещено даже на иностранном языке.

Свою повесть Ковалевская посвятила актуальным проблемам современности: нигилизму, попыткам борьбы с деспотией и тиранией, царившими в Российской империи, социальной и политической агитации. Это все связано с тем, что творчество Софьи Ковалевской приходится на довольно непростой период истории России. Это было время реформ и преобразований во всех областях жизни. Время, когда менялись жизненные ориентиры и ценностные установки.

Написанию повести предшествовали некоторые события, на основании которых Ковалевская и решила создать свое произведение. Такими событиями явились судебные процессы над революционерами-народниками, на которых писательнице довелось побывать лично. Вина подсудимых революционеров заключалась в том, что они «ходили в народ» и вели среди народных масс агитационно-социалистическую пропаганду. Среди обвиняемых были друзья, и даже родственники писательницы, в частности ее двоюродная сестра Н. А. Армфельд, которая ради революционной деятельности оставила свои занятия наукой. Вот об этих людях, во имя служения народу порвавших с родными и отказавшихся от привычного уклада жизни, Ковалевская и решила рассказать в своей повести «Нигилистка».

Во время судебного процесса, о котором говорится выше, Ковалевской довелось принять участие в судьбе племянницы жены А. С. Пушкина Веры Сергеевны Гончаровой. Эта девушка решила выйти замуж за одного из обвиняемых - Павловского. С помощью Ф. М. Достоевского и А. Ф. Кони ей удалось получить разрешение на этот брак. Этот случай и лег в основу сюжета повести «Нигилистка». Однако, пользуясь правом писателя на художественный домысел, она свободно распорядилась многими фактами: сдвинула временные рамки, обобщила некоторые события. Так, в повести речь идет о никогда не существовавшем процессе 75-ти, в котором

Ковалевская суммировала свои впечатления от процессов 50-ти и 193-х. Вера Гончарова превратилась в Веру Баранцову, Павловский - в Павленкова, деятеля, весьма далекого от своего реального прототипа, и т. д.

В центре повести представлена история Веры Баранцовой, девушки, выросшей в богатой и родовитой дворянской семье: «Семья графов Баранцовых - знатная дворянская семья, хотя и нельзя сказать, чтобы она была очень старинного рода». Все детство Веры прошло в семейной усадьбе Борки. «Как у всех детей, жизнь которых идет правильно, в ней были сильно развиты консервативные инстинкты; ко всему окружающему она была привязана бессознательно... и ей еще ни разу не приходило в голову усомниться в достоинствах кого-нибудь из её близких. Её мама была самая лучшая из мам, ее детская - лучшая из детских».

Наделенная острым и наблюдательным умом, добрым и отзывчивым сердцем, по мере взросления она начинает задумываться над происходящим вокруг. Ее тяготит пустая и бессодержательная жизнь, которую ведут её родители и сестры. Она испытывает недовольство собой, у нее возникают вопросы, на которые она не может найти ответа. Должно было произойти какое-то событие, которое помогло бы Вере найти себя, понять то, что происходило в окружающей ее жизни. Таким событием явилась крестьянская реформа 1861 года. Семья Баранцовых тяжело переживает уход от крепостничества: имение их приходит в упадок, взаимоотношения между домочадцами портятся - никому нет дела ни до кого. Верой перестают заниматься.

Но вот однажды жизнь Веры резко меняется. Все это происходит, когда в соседнее имение приезжает Степан Михайлович Васильцев. Познакомившись с Верой, Васильцев предложил давать ей бесплатные уроки. Спустя некоторое время они крепко подружились: «С этого дня

недоразумений между Верой и Васильцевым больше не было, и дружба их была скреплена прочно, навсегда».

Под влиянием общения с Васильцевым в сознании Веры происходит глубокий перелом. Эта встреча перевернула весь ее внутренний мир. Она начинает понимать, что где-то есть иная жизнь, жизнь, освященная идеями борьбы за социальную справедливость. Так начался путь Веры Баранцовой к нигилизму. Путь этот шел через общение с народом, через увлечение идеями религиозного самопожертвования во имя счастья людей, через приобщение героини повести к передовым веяниям времени.

Желание бороться обострилось в Вере с особой силой, когда Васильцев, которого она любила не только как друга, но и как мужчину, умер, находясь в ссылке. В своем предсмертном письме он пишет Вере: «Ты была для меня и дочь и возлюбленной, Вера!... и теперь, умирая, о тебе я только и думаю, ты будешь как бы продолжением меня». Отныне девизом жизни Веры Баранцовой становится идея служения народу, ее жизненной программой - поиски настоящего дела, страстное желание стать полезной, что, по ее мнению, означало «работать лично над разрушением деспотизма и тирании или поддерживать тех, кто работает в этом направлении».

После смерти Васильцева Вера Баранцова отправляется в Петербург, для того, чтобы там найти свое призвание. Героине пришлось несколько месяцев томиться без дела в Петербурге, искать применения своим силам и возможностям, прежде чем она узнала о судебном процессе над политическими заключенными, обвиняемыми в антиправительственном заговоре. Она с большим энтузиазмом принялась помогать этим людям, используя все имеющиеся у нее возможности и знакомства.

Но наиболее серьезный шаг в своей борьбе она сделала, заключив фиктивный брак с обвиняемым студентом-медиком Павленковым, которому грозило самое тяжелое наказание. Несмотря на то, что он вызывал

негодование и ненависть прокурора, и ему была назначена высшая мера наказания, героиня не смирилась с вынесенным приговором и постаралась сделать все, чтобы спасти Павленкова. Она увидела в нем не только преступника, но и жертву всего происходящего вокруг. Ковалевская пишет, что Вера, даже не будучи знакома с Павленковым, смогла полюбить его «безоглядной, безоговорочной любовью». Своим поступком она спасла его от смерти. Но это решение, прыгнуть «в омут с головой», выйти замуж за совершенно незнакомого человека дается Вере нелегко. Не встретившись с будущим мужем ни разу, не имея представления, что это за человек, Вера так описывает свое состояние перед венчанием: «Вот сегодня прихожу я в тюрьму. Впустили меня. Тяжелая, железом окованная дверь захлопнулась за мной с шумом. На улице было тепло, солнце играло, а тут вдруг темнота меня охватила, сыростью пахнуло. Жутко стало на сердце. Подумалось мне, что и счастье, и свободу, и молодость - все я за дверью этой оставила». Но затем минутная слабость героини проходит. Как только она увидела Павленкова, все страхи и сомнения ее исчезли: «Только, поверишь ли, с самой минуты, как он вошел в комнату, вдруг все мое мучение прошло. На душе стало так светло, так ясно. Сомнений - как не бывало. Я знала теперь, что поступила хорошо, что иначе и поступить не следовало».

Теперь Вера ясно видит ту жизнь, которая ее ждет, и, несмотря на то, что она сравнивает свой поступок с повешением и прыжком в омут, она счастлива, от того, что сделала: «... А вот в Сибирь пойти - это совсем для меня, как есть настоящее дело! И как это все просто, неожиданно, будто само собой устроилось. Господи, как я счастлива!».

Таким образом, мы видим, как Вера Баранцова находит свое предназначение в заботе о нуждающихся в ней людях. Ковалевской, на наш взгляд, было важно показать высокие нравственные качества, сострадание и жертвенность как лучшие черты, присущие русской женщине в эпоху

нигилистического отрицания культурных ценностей прошлого во второй половине XIX века.

Ковалевская оставляет финал повести открытым. Несмотря на то, что ее настрой позитивный и последним, что она сказала, было следующее: «Ты обо мне плачешь? - проговорила Вера с ясной улыбкой. - Ах, если бы ты знала, как мне, напротив того, жалко вас всех, вас, которые остаетесь!», - мы все же не знаем, что ждет героиню в Сибири и как дальше сложится ее судьба.

Рассказывая историю жизни своей героини, Софья Васильевна Ковалевская отнюдь не собиралась изобразить какую-то исключительную личность. Вера Баранцова - обыкновенный человек, одна из многочисленных представительниц передовой молодежи, принимавших участие в революционном движении 1860-1870-х годов. В те годы случаи, когда ради спасения политических преступников от суровой кары девушки вступали с ними в фиктивный брак, были явлением довольно распространенным. Таким образом, мы можем сказать, что образ главной героини повести «Нигилистка» является глубоко типическим, отразившим наиболее характерные черты значительной группы молодежи тех времен, жадно искавших настоящего дела¹ и стремившихся внести свой посильный вклад в борьбу против самодержавного деспотизма.

Интересной особенностью повести является то, что в ней достаточно полно отразилась личность самой Ковалевской. И это проявляется не только в том, что автор ведет повествование от первого лица и вводит в произведения многие факты своей жизни в Петербурге после возвращения из-за границы, а также говорит о своих мыслях и настроениях. Рассказывая историю становления личности Веры Баранцовой, Ковалевская, вне всякого сомнения, опиралась на детские и отроческие воспоминания, воспроизводила собственные раздумья и искания. Здесь мы можем

провести аналогию с «Воспоминаниями детства», где Ковалевская стремилась раскрыть процесс формирования личности ребенка, выросшего в дворянской среде. Так же как и в «Нигилистке», в «Воспоминаниях детства» Ковалевская старалась понять и осмыслить те события, которые оказали влияние на становление характера главных героинь.

Для девочки Веры Баранцевой, так же, как и для маленькой Сони Ковалевской, окружающая жизнь первоначально представлялась счастливой и безмятежной, но постепенно круг наблюдений девушек расширяется и они начинают замечать, что все вокруг далеко не так тихо и мирно, как им представлялось сначала.

Многие высказывания и суждения героини повести «Нигилистка» - это не что иное, как своеобразная исповедь самой Софьи Васильевны. Детство ее героини повторяло тот же круг впечатлений, который был хорошо знаком маленькой Соне Корвин-Круковской. Героиня «Воспоминаний детства» становится невольной свидетельницей сцен крепостного быта, в поле ее зрения стали попадать фигуры запуганных и забитых крепостных крестьян, все чаще слышит она рассказы об острых классовых столкновениях между крепостными и господами. Все это рождало в сознании маленькой Сони мучительные вопросы о неустроенности жизни и о несправедливости человеческих отношений. То же самое мы видим и в повести «Нигилистка». Здесь мы вновь погружаемся в жизнь богатого и родовитого дворянского семейства. Возможно именно Палибино стояло перед глазами Ковалевской, когда описывала она имение графов Баранцовых, внутренний быт семья, деревенские тревоги и радости.

А потом, как для героини «Воспоминаний детства», так и для Веры Баранцевой наступило время, когда стало ясно, что привычный уклад жизни, казавшийся вечным и незыблемым, постепенно разрушается. Девушки чутко уловили симптомы, свидетельствовавшие о непрочности

помещичьего патриархального быта, который их окружал. Сравним, в «Воспоминаниях детства» автор пишет: «Жили себе жители Палибино мирно и тихо; росли и старились, ссорились и мирились друг с другом; ради препровождения времени спорили по поводу той или иной журнальной статьи, того или другого научного открытия, вполне уверенные однако, что все эти вопросы принадлежат чуждому, удаленному от них миру и никогда непосредственного соприкосновения с их обыденной жизнью иметь не будут. И вдруг, откуда ни возьмись, совсем рядом с ними объявились признаки какого-то странного брожения, которое подступало все ближе и ближе и грозило подточиться под самый строй их тихой патриархальной жизни». В «Нигилистке» таким «признаком странного брожения» становится сосед Баранцовых С. М. Васильцев, благодаря которому она прониклась идеями нигилизма: «...часто говорят они о современных «мучениках»; Вера, как и прежде, нет, в сто раз сильнее прежнего, преисполнена решимости пойти по их стопам».

Кроме того, сходны и описания родителей главных героинь произведений Ковалевской: и в «Воспоминаниях детства» и в «Нигилистке» это были по-своему интересные люди, но они были очень заняты своей жизнью и мало внимания уделяли своим детям. Вот воспоминания маленькой Сони Корвин-Круковской: «Отец наш вовсе не был строг с нами, но я видела его редко, только за обедом; он никогда не позволял себе с нами ни малейшей фамильярности... Он любил быть один, и у него был свой собственный мир, в который никто из домашних не допускался». Так же и в «Нигилистке», у родителей Веры было много других, посторонних забот, поэтому внимания своей дочери они уделяли очень мало. Даже воспитание Веры их мало заботило: «... И так как родители, со своей стороны, скоро, по-видимому, забыли этот несчастный вопрос о воспитании младшей

дочери, то уроки мало-помалу совсем прекратились, и в четырнадцать лет Вера оказалась вполне предоставленной самой себе».

Таким образом, повесть «Нигилистка» можно рассматривать не только как художественное произведение, но и как живое мемуарное свидетельство, как воспоминания Ковалевской о пережитом и передуманном. Ее произведение явилось своеобразным историческим документом, отразившим сложный путь исканий и становления человека, выросшего в дворянской среде, но чуждого своему классу и порвавшего с ним, человека, в сознании которого постепенно вызревает мысль о необходимости самоотверженного служения общественным идеалам. Софье Васильевне очень хотелось рассказать правду о самоотверженной борьбе русских революционеров против самодержавия, показать их высокие нравственные качества, бескорыстное служение идеалам добра и справедливости.

2.3 Постмодернистские игры с жанром автобиографии в повести Элис Манро «Слишком много счастья»

Элис Манро - современная канадская писательница, мастер малой прозы, обладательница множества престижных наград в области литературы, главной из которых, безусловно, является Нобелевская премия 2013 года. Многие литературные критики часто сравнивают Манро с А. П. Чеховым, поскольку этих авторов объединяет демократизм повествования, а также тонкий психологизм, который скрыт за фиксацией множества бытовых деталей. Но различие этих авторов, в частности, в том, что Чехов был представителем классического реализма, а произведения Манро тяготеют к постмодернизму.

Нередко в малой прозе Манро возникают образы, сюжеты, мотивы русской литературы, которые канадская писательница берет для того, чтобы дать читателю представление о России. Подробнее над этим вопросом работала Наталья Леонидовна Потанина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. В своей статье «Русская тема в художественной прозе Э. Манро» она сравнивает произведения Л. Н. Толстого и А. П. Чехова с повестью канадской писательницы «Жребий» и доказывает, что «некоторые ключевые образы Л. Толстого и А. Чехова стали основанием для творческой фантазии современного канадского автора, были органично вплетены в иную художественную структуру, во многом определив ее тональность и атмосферу».

Для нас же особое значение имеет повесть Манро «Слишком много счастья», которая впервые была опубликована в журнале «Харперз» в августе 2009 года. Главной героиней произведения является Софья Васильевна Ковалевская. Манро рассказывает нам об одном, последнем месяце из жизни великого математика - январе 1891 года. Обратимся к анализу текста.

Произведение начинается с описания прогулки Софьи Ковалевской и ее однофамильца Максима Ковалевского, дальнего родственника ее мужа. Герои повести гуляют по старому кладбищу в Генуе. Прогулка вызывает у Софьи ироническую реакцию, она говорит своему спутнику, что пребывание на кладбище первого января - плохая примета и говорит о том, что один из них не переживет этого года.

Данное высказывание является началом повествования о возвращении Софьи из Генуи в столицу Швеции. Эта фраза - некое предзнаменование, и мы понимаем, что финал повести окажется трагичным для главной героини.

Стокгольм - единственный город в Европе, который предоставил кафедру для преподавания женщине ученому. Лишь в столице Швеции приняли во внимание то, что открытия Ковалевской в области математики явили собой ряд поворотных моментов в этой науке. Автор предполагает, что читатель уже знает этот факт биографии русского ученого.

Описывая короткий период жизни героини, проведенный в Стокгольме с 1888 по 1891 год, Элис Манро акцентирует внимание читателей на том, что именно в этот период времени Софья сблизилась с Максимом Ковалевским. Это и является завязкой любовной интриги повести. Мы видим, что отношения героев достаточно нестабильные. На протяжении всего этого времени главная героиня сомневается в целесообразности их брака: «Максим... объявил, что ей лучше выйти замуж за него, Максима. Если, конечно, ее устраивает то, что он может ей предложить. Он делал вид, будто речь идет о деньгах: вопрос, устроит ли ее его богатство, был, конечно, шуткой. Но был и другой вопрос: устроит ли ее холодноватое, учтивое выражение чувств, совершенно исключаящее скандалы и сцены, которые она, случалось, устраивала?».

Внешняя фабула произведения представляет собой путешествие Софьи в наступившем 1891 году из Генуи в Ниццу, затем в Париж, оттуда в Берлин и далее в Стокгольм. Автор по-разному описывает все происходившее с Ковалевской во время этой поездки: некоторые сцены Манро опускает, не говорит о них ничего, а некоторые, наоборот, описаны очень подробно, например, встреча с племянником Юрой и его отцом Виктором Жакларом в Париже, а также встреча с профессором Вейерштрассом и его сестрами в Берлине.

С началом этого путешествия ухудшается здоровье героини. Мы узнаем об этом, как только она садится в поезд: «Только теперь Софья осознает, как у нее болит горло». И с каждым днем ей становится все хуже.

Болезнь объясняется плохой погодой и трудностями путешествия. В Швецию Софья вернулась абсолютно ослабленной и больной. Несмотря на это, ей удалось на день вернуться в университет и прочитать там лекцию, но после этого Ковалевской стало совсем плохо, и через несколько дней она умерла от воспаления легких.

Все математические способности и изыскания героини показаны в повести очень бегло. Это можно понять, поскольку данная область весьма специфична, но в тоже время автор и не старается сделать акцент на напряженную душевную жизнь героини, как исследователя, на значительность ее достижений как ученого, на очередную ее победу - Борденовскую премию, полученную ей в Париже. Все внимание в произведении устремлено на настроение Софьи, ее физические и эмоциональные переживания. Днем она посвящает все свое время Максиму и встречам с ним, поэтому готовиться к конкурсу на знаменитую премию ей остается только ночью. Этому неизбежному состоянию утомленности и нервного напряжения героини автор противопоставляет ощущение ею праздника, который ожидает ее после победы в конкурсе - поздравление, веселье, цветы, шампанское. Но затем все это сменяется огорчением в связи с неожиданным отъездом Максима и его неприятным письмом: «Из Болье Максим написал холодное и надутое письмо, извиняясь, что не сможет пригласить ее в гости после того, как закончится суматоха. У него, видите ли, гостит одна дама, которой он не может ее, Соню, представить. Дама эта пребывает в печали и в настоящий момент нуждается в утешении. А Соня пусть едет в Швецию: там ее ждут друзья, студенты и дочка, там она будет счастлива... И в конце совершенно ужасное предложение: «Если бы я вас любил, я написал бы иначе»».

Вместе с тем, мы не можем не отметить, что к концу произведения, при изображении всего пути героини из Генуи в Стокгольм, фабульные моменты

становятся все более развернутыми. Они уже включают в себя подробное описание спутников Софьи, которые заставляют ее задуматься о человеческих судьбах, о различиях национальной этики и т. д. Изображается довольно длительный диалог Ковалевской с безымянным доктором с острова Борнгольм. Он почти сразу узнал, кем является его соседка по купе и предупредил героиню о том, что не надо ехать в Стокгольм через Копенгаген - там эпидемия оспы. В дальнейшем сознание Софьи чаще всего сосредотачивается именно на этой опасности. Мысли о болезни становятся навязчивой идеей и мы даже можем предполагать, что доктор был всего лишь плодом воображения героини в связи с прогрессирующей болезнью. Автор уделяет особое внимание описанию всех неприятных моментов во время путешествия, например, когда у героини не было нужной валюты для того, чтобы расплатиться с носильщиком и ей пришлось самой тащить свои вещи в вагон: «Поезд выпускает пар, пассажиры заходят в вагоны, а она все стоит, не зная, что делать. Самой ей чемоданы не дотащить. А если не дотащить, то они так и останутся... Софья хватает их за ремни и ручки как попало и несется вперед. Бежит, пошатываясь и задыхаясь, с болью в груди и под мышками. Чемоданы бьют по ногам. Надо взобраться по ступенькам. Если остановиться и отдышаться, то поезд уйдет. Она пытается вскарабкаться наверх, срывается. Со слезами на глазах умоляет подождать... Поезд ждет. Появляется кондуктор, чтобы закрыть дверь, хватает ее за руку, потом подхватывает ее вещи и втаскивает все на площадку. Спасенная, она тут же заходится в кашле. Кашляет так, словно хочет избавиться от чего-то, застрявшего в груди. От застрявшей там боли. От боли в груди и тесноты в горле. Однако надо идти за кондуктором в свое купе...».

Таким образом, мы видим, что по мере развития сюжета все действия Софьи сопровождаются темой тревоги и даже некоторой обреченности. Примером может служить предчувствие доктора с острова Борнгольм,

пытавшегося уберечь героиню от оспы, но потом с горечью узнавшего из газеты, что хоть и не от оспы, но она все же умерла.

Парадоксально, но вместе с темой тревоги, параллельно ей, все более активно начинает развиваться мотив стремления Софьи к счастью. Эта тема счастья, хоть и незаметно, но все же намечается уже с первых страниц повести. Порой она окрашена грустью - воспоминания Софьи о бабушке и дедушке по материнской линии, которые обрели счастье и презирали тех, кто его не достиг. Недолгое счастье отмечает героиня и в трудной судьбе своей сестры Анюты, жены коммунара, что общественную позицию Софья не разделяет. Порой и союз с Владимиром Ковалевским приносил героине счастье, об этом ей напоминает собственная память. Но наиболее настойчиво тема счастья развивается при раскрытии отношений Софьи и Максима и их вероятного брака. Об этом героиня говорит со своими подругами и с профессором Вейрштрассом при последней встрече с ним.

Наивысшей точкой ощущения радости и всей полноты жизни Софья достигает в завершении фабульной линии повествования, когда в Стокгольме, заблудившись в плохо знакомой ей местности, в платье и легких туфельках, она мчится по заснеженному городу, чувствуя себя невероятно счастливой в эти минуты: «Ноги промокли, но холод не чувствовался. Должно быть из-за безветрия, а еще от радости, захватившей ум и тело. От счастья, о котором она раньше понятия не имела, но которое теперь ее никогда не покинет». Здесь идет явная отсылка к реальным воспоминаниям подруги Ковалевской А.-Ш. Леффлер (см. стр. 29) о том, как Софья могла заблудиться даже в знакомых ей улицах Стокгольма. Последними же словами умирающей героини, которые якобы слышали кто-то из свидетелей, становится фраза, которую Элис Манро использует в качестве заглавия своего произведения: «Слишком много счастья».

Поскольку главной героиней повести является русская женщина, мы не можем не отметить, что в произведении «Слишком много счастья» тема России представлена достаточно развернуто. Для автора было важным показать Софью Ковалевскую не только как великую женщину математика, но именно как русскую женщину. В произведении присутствуют описание героини именно со ссылкой на то, что она была из России: «... когда его мучила подагра, он становился несговорчивым, раздражительным, страдал от жалости к себе - точь-в-точь как она сама. Они ведь были русские в конце концов». В повести также присутствует описание русской природы: «запах скошенного сена, сосновых лесов, золотые летние деньки, долгие светлые вечера ...». Эта природа, среди которой выросла героиня и которая так мила была ее сердцу. Несмотря на то, что Софья уже давно не живет в России, она очень трепетно относится к вещам, которые напоминают ей о Родине. Неслучайно Манро дает нам описание вещей, привезенных из родительского дома. Все воспоминания главной героини о своей Родине пропитаны светлой грустью и тоской. В повести упоминается произведение, написанное Ковалевской - «Нигилистка», и Манро делает акцент на том, что в нем сосредоточена тоска и боль Софьи о России: «Она написала воспоминания о жизни в Палибино, поддавшись порыву ностальгии по всему бесконечно дорогому и безнадежно утраченному. Написала вдали от дома, когда и дом, и сестра навеки остались в прошлом. А «Нигилистка» родилась от боли за свою страну, от вспышки патриотизма и, наверное, еще от чувства вины за все, на что она не обращала внимания, вечно занятая математикой и перипетиями своей личной жизни».

Помимо личных воспоминаний героини, в повести присутствуют ассоциации с Россией, как с варварской страной. Так, на предложение Софьи своему племяннику поговорить по-русски, он отвечает: «Вот еще! Варварский язык. А кстати, почему ты так плохо говоришь по-французски?»

Отец считает, что у тебя варварский акцент. И у матери, говорит, был точно такой же. Русские - все варвары». Также автор отмечает тот факт, что в России молодым незамужним женщинам запрещалось учиться за границей без согласия родителей, и говорит об этом: «Какой варварский закон!». Мы знаем, что многие европейцы и североамериканцы и до сих пор таковой считают нашу страну. Таким образом, повесть «Слишком много счастья» несет в себе также и широкий исторический контекст, так как здесь переплетаются различные культуры, и главная героиня довольно много размышляет об особенностях национального характера русских, немцев, шведов и французов.

Если рассматривать произведение с точки зрения литературы постмодернизма, то здесь мы можем очень четко наблюдать её основные принципы, выделенные М. Н. Липовецким: игровое начало, интертекстуальность, диалогизм. Далее мы более подробно рассмотрим элемент постмодернистской игры с жанром автобиографии, который является ведущим художественным приёмом в повести канадской писательницы.

При написании своей повести, Манро обращается к «Воспоминаниям детства», написанным Ковалевской, тем самым используя личностную аллюзию биографию главной героини, которая служит неким «мостом», соединяющим её прошлое и настоящее время, о котором говорится в повести. Мы будто переносимся на страницы «Воспоминаний» и видим «Красную камчатскую скатерть на столе - ту самую, из дома её детства. Когда-то за ней сиживали почетные и простые гости». Здесь же появляются уже знакомые нам герои: любимая сестра Анюта, Федор Михайлович Достоевский, мать Ковалевской, и, конечно же, сама маленькая Соня: «Может быть, и Федор Михайлович - совсем изощедшийся от любви к её

сестре Анюте. Ну и конечно, сидела сама Соня, как всегда доставлявшая матери одни неприятности».

Кроме этого можно также выделить еще один прием, который использует канадская писательница. Для того чтобы подчеркнуть «документальную» основу своего произведения, она выбирает тот или иной реальный фрагмент из жизни Ковалевской или даже из ее душевного состояния в определенный период, показывает его, однако далее не развивает, не задерживается на нем и не удовлетворяет полностью интерес читателя. Так, например, в произведении упоминается о боли героини за родину, о которой, по ее собственному признанию она забывала и упрекала себя за это: «... «Нигилистка» родилась от боли за свою страну, от вспышки патриотизма и, наверное, еще от чувства вины за все, на что она не обращала внимания, вечно занятая математикой и перипетиями своей личной жизни». Но несмотря на это, сама по себе напряженная и сложнейшая социальная и политическая ситуация в России в последние десятилетия XIX века показаны в повести очень скупо. В пример приводится также раздраженная реакция героини на доброжелательное, но такое скучное и утомительное поведение шведских дам и как контраст этому поведению Софья вспоминает жаркие споры, чуть ли не до драки в России и во Франции: «Они с уважением относились к тому, чем занималась Софья, и многие из них считали, что женщинам надо последовать ее примеру и когда-нибудь так и будет. Так почему же ей становилось с ними скучно, почему она все вспоминала других людей, способных засиживаться до поздней ночи за необычными разговорами? И почему ей было неприятно, что они одевались либо как пасторские жены, либо как цыганки?». Но далее тема этих разговоров и споров не раскрывается.

Повествование периодически прерывается описаниями различных жизненных ситуаций героини, которые явились знаковыми в ее судьбе. При

этом хронология этих ситуаций и переломных событий ее жизни и жизни ее близких, как мы видим, нарушается. Всё это тоже является элементами игры. К примеру, во время путешествия Софьи в Париж, во сне ей является ее старшая сестра Анюта. Еще юная, она читает Софье роман, который начала писать. Затем сон сменяется и героиня вновь видит Анюту, но уже влюбленную в коммунара Жаклара, которому грозит гибель. Тут же появляется и бывший муж Софьи Владимир Ковалевский. Он предстает уже умершим, среди других мертвецов и раненых. Одна за другой возникают сцены спасения Жаклара, в которых участвуют прибывший во Францию отец сестер генерал Корвин-Круковский и вновь появившийся во сне Владимир Ковалевский, ученый-палеонтолог, решившийся на очень рискованный шаг - освобождение политического узника Жаклара.

Несмотря на то, что Манро берет для повествования о Ковалевской лишь короткий промежуток ее жизни длиною в месяц, автор помещает в свое произведение информацию о тех событиях, которые стали знаковыми и переломными в жизни Софьи. Одним из таких событий становится ночной побег героини из дома к её будущему мужу Владимиру. Это было сделано для того, чтобы скомпрометировать себя, повлиять тем самым на родителей и ускорить брак с Ковалевским: «В одиночестве шла она по петербургским улицам, по которым никогда не ходила без сопровождающих - слуг или сестры. Шла к Владимиру, жившему на бедной окраине. Он сразу же отпер ей дверь». Еще одним важным событием в жизни Софьи становится ее знакомство с Вейерштрассом, крупнейшим немецким математиком. Профессор сначала принял Ковалевскую за назойливую посетительницу, которая преследует меркантильные цели, но потом он был поражен тем, как незнакомая девушка с легкостью решила предложенные ей задачи. Вейерштрасса переполняет радостное осознание того, что эта талантливая девушка может стать его учеником, о котором он мечтал всю жизнь. Она

может стать той, «кто не пойдет по пятам за ним», но «бросит ему вызов», кто «сам вырвется вперед».

Вся история взаимоотношений главной героини и Владимира Ковалевского, рассказ об их фиктивном браке, который позволил Софье уехать за границу для обучения, их жизнь в Германии, возвращение на родину в 1874 году, укрепление отношений, материальные трудности, разрыв и самоубийство Владимира из-за неудачной предпринимательской деятельности, - все это вводится в повествование постепенно, отдельными фрагментами, которые так же хронологически разорваны в тексте.

Еще одним элементом игры является появление в повествовании загадочного безымянного доктора с острова Борнгольм, который якобы узнал Ковалевскую и с которым у неё состоялся довольно долгий разговор. Манро вводит этого героя таким образом, что мы не можем точно определить, был ли он на самом деле или это всего лишь видения главной героини, возникающие на фоне ослабленного здоровья.

Для того, чтобы охарактеризовать героиню и людей, ее окружающих, автор выбирает определенные детали, и мы можем проследить некую тенденцию их отбора. Так, Манро создает довольно неприятный, в феминистском духе, образ Максима Ковалевского. Подобным образом в истории отношений и брака Софьи и Владимира основное внимание уделяется последнему периоду - их размолвкам, растущей неприязни мужа к талантам и успехам собственной жены, нежели началу отношений будущих фиктивных супругов. А ведь именно в этот период, когда юная Софья рвется к знаниям и надеется на поддержку мужа, она вызывает у Владимира умиление. И если образ Владимира Манро могла восстановить по биографическим документам, воспоминаниям, написанным дочерью Ковалевской, то образ Максима - это именно игровое продолжение

воспоминаний Ковалевской, поскольку о нём и об его отношениях с героиней документальных сведений имеется немного.

Так же немного свидетельств и о том, как на самом деле умирала Ковалевская. Здесь Манро «дописывает» биографию Ковалевской, описывая её предсмертную лихорадку, прощание с дочерью и последнюю сказанную фразу - «Слишком много счастья». Этой фразе Манро придает очень большое значение: не зря именно она стала заглавием повести, и это дает нам право предположить, что основной проблемой произведения является проблема счастья главной героини, точнее его возможности или невозможности для Софьи Ковалевской. Состоялось ли это счастье? Чем оно могло быть обусловлено? Как мы уже отмечали, наиболее счастливой она себя чувствует в заключительных сценах произведения, пребывая в Стокгольме, однако автор не говорит нам, что именно является источником радости для героини. Это еще один элемент игры, который Манро использует в своей повести. Налицо ощущение Софьей полноты жизни, но это не связано, ни с научными достижениями, ни с реализацией себя, как личности, для читателя это остается загадкой.

Н. Л. Потанина в своей работе «Русская тема в художественной прозе Элис Манро» отмечает, что, несмотря на то, что в произведении нередко встречается чей-то взгляд со стороны (Вейерштрасса, его сестер, тех, кто был свидетелями болезни и смерти Софьи), основным субъектом сознания и повествования выступает сама героиня. Окружающий мир раскрывается через призму ее восприятия: мы «видим» её сны, «слышим» её мысли и переживания, словно она сама говорит с нами. И, несмотря на то, что все эти внутренние монологи и воспоминания разрывают хронологический ход повествования, в тоже время они оживляют прошлое в его ярких картинах и знаковых деталях. Данный прием обработки материала, который канадская писательница использовала в своей повести, является одним из ведущих.

В своем произведении Элис Манро очень тонко играет с точностью воспроизведения психологического образа героини отличительных черт ее незаурядной натуры. Например, склонности к метаниям: от науки - к литературному творчеству; от рационализма математика - к игре воображения; от аскетизма ученого - к наслаждению обыкновенной человеческой жизнью с ее радостями и без какого-либо беспокойства о «достижениях»; от отчаяния, вызванного самоубийством Владимира Ковалевского, и пребывания на грани жизни и смерти - к внезапному возрождению: «Софья узнала о его смерти в Париже. Какое-то время она отказывалась от пищи и не выходила из своей комнаты. Она концентрировала свои мысли и волю на отказе от пищи, и так ей удавалось ничего не чувствовать... Прибегли к искусственному кормлению, и она заснула. Пробудившись, испытала острый стыд за все это представление. Попросила карандаш и лист бумаги и принялась за решение задачи».

Хотелось бы ещё отметить, что в повести хорошо просматривается принцип интертектуальности. И хотя в современной литературе этот принцип иногда является настолько многослойным, что очень трудно бывает установить его источники, здесь же мы можем это сделать. Как отмечает в своей работе «Чеховское начало в прозе Элис Манро» кандидат филологических наук Е. М. Бутенина: «Ключевая для Манро тема сильной женщины, утверждающей своё право на свободу, профессиональную самостоятельность, личное счастье, восходит, в том числе, к рассказам Чехова, многие из которых, как справедливо заметил Саймон Карлинский, нужно включать «в канон освободительного движения». И для Чехова, и для Манро привлекателен образ деспотичного главы семейства: отца, мужа или старшего брата, поскольку бунт главных героев против этой деспотической системы определяет становление личности главного героя. У Чехова мы можем наблюдать такое развитие сюжета в повестях «Моя жизнь» и

«Невеста». Канадская же писательница вдохновилась подобным сюжетом в биографии Софьи Ковалевской.

Кроме этого нельзя не заметить отсылки к произведению Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Образы железной дороги, вагона, вокзала становятся здесь ключевыми. Софья Ковалевская на протяжении всей повести путешествует в поезде. Манро использует здесь хронотоп железной дороги, как показатель жизненного пути героини, где «пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути много различнейших людей - представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов». Железнодорожная станция же выступает в качестве некоторой «границы», перехода в новый жизненный этап, где она, наконец, обретет счастье. На самом же деле, в конце пути героиню ожидает смерть. В «Анне Карениной» завязка основного сюжета также связана с железной дорогой: первая встреча Вронского и Анны происходит на вокзале. Так же как и в романе Л. Н. Толстого, когда случай с раздавленным на железной дороге сторожем становится для Анны недобрый предзнаменованием, в повести Манро присутствует эпизод с черной кошкой, перебежавшей дорогу на вокзале, ставший для главной героини дурным знаком.

В завершении данной главы хотелось бы отметить, что все эти приемы, которые использует Манро: отсылки к другим произведениям, игра с жанром биографии, «дорисовка» каких-то элементов и деталей реально существовавшим персонажам, - все это делается для того, что представить образ Софьи Ковалевской более трогательным и близким нам. Манро «дописывает» биографию героини, используя при этом игровое «продолжение» документальных воспоминаний, тем самым делая образ Ковалевской более полным и понятным для читателя. Мы действительно переживаем за героиню. И, несмотря на то, что хронологически повесть

описывает лишь завершающий этап её жизненного пути, благодаря отсылкам к воспоминаниям и игре с жанром биографии, мы можем, хоть и фрагментарно, но увидеть больше, чем последние несколько дней жизни Софьи Ковалевской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, главным делом всей жизни Софьи Ковалевской была математика, где она совершила множество очень важных открытий. Именно как выдающаяся женщина-математик она известна всему миру. Но, поскольку Ковалевская была воистину гениальным человеком, она обладала также и литературным даром, который, возможно, не был таким ярким, поскольку не сумел раскрыться в полной мере. Но, несмотря на это и те произведения Софьи Васильевны, которые нам известны, находят свои отклик среди читателей.

Как мы уже отметили, жизнь Ковалевской была довольно яркой и насыщенной, а местами и очень тяжелой, полной противостояний и борьбы за своё счастье. Не случайно снято немало художественных фильмов, посвященных жизненному пути великого математика: «Софья Ковалевская» 1956 г., «Гора на тёмной стороне луны» 1983 г., «Софья Ковалевская» 1985 г., «Достоевский» 2011 г. и др.

Но не только в кинематографе, а также и в современной литературе судьба Ковалевской вызвала живой интерес. В этой работе была затронута тема автобиографизма и возможности биографии в литературе постмодернизма. В первой главе мы разграничили понятия «биографии» и «биографизма», а так же дали характеристику литературному творчеству Софьи Ковалевской. Далее мы рассмотрели наиболее известные произведения автора. «Воспоминания детства» были рассмотрены в аспекте автобиографического жанра. Для этого мы обращались не только к тексту самого произведения, но также и к воспоминаниям близких людей Ковалевской. Анализ повести «Нигилистка» основывался на актуальных

проблемах идеологического характера эпохи 70-х годов XIX века, эпохи, когда движение революционного народничества переживало глубокий кризис, когда в России наступила пора глухой реакции. Освещая события недавнего прошлого, Ковалевская попыталась воскресить в памяти читателей время мощного революционного подъема 1870-х годов.

В завершении работы мы изучили, как с помощью постмодернистской игры с биографией, канадская писательница Элис Манро в повести «Слишком много счастья» смогла показать нам небольшой жизненный этап Софьи Васильевны. Манро пишет: «Я открыла для себя героиню повести «Слишком много счастья», Софью Ковалевскую, когда искала совсем другие сведения в энциклопедии «Британника». То, что эта женщина была и писательницей, и математиком, сразу вызвало у меня интерес, и я принялась читать всё, что могла о ней найти».

Поскольку Софья Ковалевская в первую очередь была математиком, изучение её литературного творчества в школе возможно организовать в рамках межпредметных связей с математическими дисциплинами. Совместно с преподавателем математики, сопоставив информацию о Софье Ковалевской, как об ученом и как о литераторе, мы можем предложить проведение элективного курса по литературе для учеников 7-8 классов, связанного с литературным творчеством Софьи Ковалевской. Обратившись к «Воспоминаниям детства», учащиеся смогут поближе познакомиться с историей жизни Софьи Васильевны, а так же сравнить эту повесть с уже известными им автобиографическими произведениями других авторов (Л. Н. Толстого и М. Горького).

В 2019 году обязательной формой мониторинга качества подготовки учащихся 9-тых классов по русскому языку стало итоговое собеседование. Во время проведения данного мероприятия, ученики должны показать свои навыки выразительного чтения, пересказа текста с привлечением

дополнительной информации, подготовить монологическое высказывание по одной из выбранных тем и выстроить диалог с экзаменатором-собеседником. Для того чтобы учащиеся смогли познакомиться и разобраться с новой для них формой сдачи экзамена, Федеральным институтом педагогических измерений были разработаны типовые варианты контрольно-измерительных материалов для подготовки к устному собеседованию. Одним из предложенных вариантов является текст о знаменитой русской ученой Софье Ковалевской. В связи с этим возможным было бы познакомиться и с литературным творчеством великого математика, изучив автобиографическое произведение «Воспоминания детства» в рамках элективного курса по литературе.

Кроме того, особо интересной для изучения в рамках осуществления межпредметных связей будет пьеса, написанная совместно с А.-Ш. Леффлер - «Борьба за счастье», в которой Ковалевская основывает свою художественную гипотезу на примере работы французского математика А. Пуанкаре о дифференциальных уравнениях. Подробнее это произведение мы рассмотрели в параграфе 1.2. На основе изучения этой пьесы возможно провести несколько факультативных уроков литературы в 10-11 классах, поскольку именно тогда происходит изучение дифференциальных уравнений на уроках алгебры.

В старших классах мы также можем обратиться к повести Элис Манро «Слишком много счастья» и на примере этого произведения показать, как осуществляется прием постмодернистской игры с автобиографией Софьи Ковалевской.

Помимо связей с математикой, к изучению литературного творчества Ковалевской можно подключить и историю. В учебнике «История России» за 10 класс под редакцией Ляшенко, О. В. Голубева, Е. В. Симонова есть параграф, посвященный достижениям российской науки во второй половине

XIX века, где упоминается и о Софье Ковалевской. Также в учебнике есть упоминание о таком социо-культурном явлении России 1860-х годов, как нигилизм. В связи с этим будет уместным обратиться к повести «Нигилистка», о которой мы подробно говорили в нашей работе. Кроме того, этому произведению можно посвятить факультативные занятия, параллельно изучая на уроках литературы романы И. С. Тургенева «Отцы и дети» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», где также обсуждаются проблемы идеологического характера. Интересным будет сравнение мужской и женской точки зрения на этот вопрос.

Таким образом, изучая творчество С. В. Ковалевской как литератора ученики смогут больше узнать о том, как происходило становлении личности первой в России женщины-математика, познакомиться с её жизненной позицией и взглядами на мир. Во всём этом им помогут «Воспоминания детства» и «Нигилистка». Кроме того, учащиеся смогут наглядно увидеть, как математическая теория может применяться не только для решения каких-либо задач, но и для написания литературного произведения.

